

Андрей Л. Андреев

О чем мечтают в россии?

Przegląd Wschodnioeuropejski 6/1, 73-80

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

АНДРЕЙ Л. АНДРЕЕВ
Институт социологии РАН (Москва)

О ЧЕМ МЕЧТАЮТ В РОССИИ?

What are the Russians dreaming about?

Ключевые слова: массовая коммуникация, национальный менталитет, стереотипы, коллективные концепты, образ истории

KEYWORDS: mass consciousness, national mentality, stereotypes, collective dream, images of history

ABSTRACT: The article represents a sociological approach to the problem of national mentality through the analysis of collective dreams. The Russian dream, compared with American and European dreams, is considered on the basis of empirical data provided by the recent polls. The author demonstrates the links between collective dreams and the images of history in national self-consciousness and discusses their relations to modern political attitudes.

Коллективный менталитет любого общества во многом объясняется особенностями его целеполагания, выраженными в формах национальной мечты. Трудно найти человека, который не слышал бы об «американской мечте». Появилось и семантически близкое этому словосочетание «европейская мечта», и о сопоставлении этих двух понятий в последнее время были написаны специальные работы исследовательского характера (см.: Rifkin 2004).

А есть ли своя собственная национальная мечта в России? И если есть, то какова она? На эти вопросы попыталась ответить группа исследователей из Института социологии РАН. Если рассуждения об американской и европейской мечте апеллируют в основном к политической публицистике, разного рода разрозненным наблюдениям и неким культурологическим интуициям, то российские ученые исходили из данных проведенного ими весной и летом 2012 г. тематически ориентированного всероссийского социологического опроса¹. Сразу отметим, что подобных

---

¹ Опрошено 1750 респондентов, проживающих в обоих российских мегаполисах и 20 других субъектах федерации. Сконструированная для целей данного исследования многоступенчатая районированная выборка репрезентирует социально-демографическую структуру населения в возрасте 16–55 лет.

эмпирических исследований, посвященных американской, европейской, китайской или какой-либо еще коллективной мечте, насколько нам известно, не проводилось.

Исследование показало, что для большинства россиян на первом месте стоят их личные надежды и заветные желания. Прежде всего – жить в достатке, чтобы не приходилось считать копейки. Однако уже на втором месте, наряду с личным, появляется и общественное: приблизительно треть опрошенных мечтают жить в разумно устроенном, справедливом обществе.

Но что такое, в их понимании, справедливость? Большинство (около 60% опрошенных) придерживаются того мнения, что равенство возможностей важнее равенства доходов и условий жизни, а 70% полагают справедливым, когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, если только они имели одинаковые возможности их заработать. Тем не менее, принятая ныне в России социально-экономическая модель мало кому представляется отвечающей принципу справедливости. В частности, около 83% граждан страны считают, что различия доходов сейчас чрезмерно велики, приблизительно две трети убеждены в том, что россияне не получают за свой труд соответствующего их квалификации вознаграждения и приблизительно столько же не удовлетворены системой распределения собственности. Вряд ли приходится сомневаться в том, что все это создает в обществе немалый заряд напряженности

А как связана «русская мечта» с исторической памятью, с формирующими политическое сознание образами российской истории? Для понимания характера этой связи необходимо прежде всего учитывать, что русское самосознание на протяжении пяти столетий сохраняло отчетливо выраженный мессианский характер. Поэтому на роль общенациональной доминанты обычно выдвигались такие мечты и устремления, которые направляли Россию и русский народ на решение неких мировых проблем. Эта черта национального менталитета в значительной мере сохраняется и сегодня. Во всяком случае, проведенное исследование дает основания утверждать, что более половины россиян в возрасте до 55 лет убеждены в том, что все события отечественной истории происходили «не просто так», и их следует рассматривать как служение России всему человечеству. Причем эта пропорция 50/50 с минимальными отклонениями (не более 1–2%) воспроизводится во всех значимых социально-демографических группах.

Когда же на Руси жилось так хорошо и вольготно, что это время может рассматриваться если не как реализация народной мечты, то, по крайней мере, как приближение к ней? Конечно же, отвечая на данный вопрос, наши респонденты разошлись во мнениях. Почти треть из них ответила,

что ни одна эпоха российской истории не соответствует их идеалам. Что же касается остальных, то распределение мнений среди них обнаружило весьма интересные тенденции. Проведенный опрос показал, что россияне отнюдь не склонны искать свои идеалы в далеком прошлом. Так, дореволюционная Российская империя кажется воплощением «русской мечты» лишь одному опрошенному из девяти, а революционная Россия (СССР) первых десятилетий советской власти – каждому двадцатому. Большинство же наших сограждан не заглядывает за горизонт того, что можно назвать актуальной историей. Это – события, непосредственно пережитые и переживаемые нынешними поколениями россиян: с одной стороны, текущий исторический период, а с другой – все еще сохраняющийся во впечатлениях миллионов людей драматический финал советской эпохи и последовавшие за ним реформы 1990-х годов. Общая доля респондентов, соотносящих свои идеалы с этой актуальной историей, составляет 52–53% опрошенных.

Однако не все отрезки актуальной истории для россиян одинаково привлекательны. Сохраняется достаточно сильная эмоциональная связь россиян с эпохой Брежнева, но она постепенно ослабевает. Назвали брежневские времена воплощением «русской мечты» только 14% опрошенных. К перестройке же отношение по-прежнему сдержанное, а у многих и негативное. С этим периодом связывают свои идеалы только 4% опрошенных.

Если 10–15 лет назад россияне в три раза чаще отдавали предпочтение «золотой осени» советской власти, чем рынку и демократии, то в настоящее время они уже в 2,5 раза чаще выбирают современность. В 2000 г. только один человек из восьми считал, что самая хорошая жизнь началась в условиях рыночной экономики, а в 2012 г. уже практически треть поддержала мнение, что «русская мечта» наиболее полно воплотилась именно в этот продолжающийся и ныне период истории России. При этом, если оставить в стороне ритуальные формулы политкорректности, надо прямо признать, что мало кто вспоминает правление Б.Ельцина добрыми словами, и только 2% назвали это время воплощением своей мечты. Основная же масса тех, кто связывает свои надежды с рынком и демократией, имеет в виду период после 2000 г. – иначе говоря, «эру Путина». Такое мнение высказали примерно 32% опрошенных. Конечно, это не большинство (кстати, почти столько же участников опроса – 31% – вообще отказываются рассматривать какой-то конкретный отрезок истории как время реального воплощения «русской мечты»), но все же это самый большой сегмент выборки.

Данный результат во многом объясняет загадочную для некоторых российских и зарубежных политологов и политических публицистов

проблему так наз. путинского большинства. Треть населения – это, несомненно, достаточно мощное электоральное ядро, которое не так уж трудно наращивать за счет разного рода колеблющихся элементов. Не надо, впрочем, думать, что «путинское большинство» – это люди, довольные тем, что происходит в стране. Напротив, в массе своей они настроены не менее критически, чем оппозиция. Другой вопрос, что его представители предпочитают стоять на почве фактически данных возможностей и, исходя из этого, иначе оценивают динамику складывающейся ситуации (Шестопап 2013).

Ностальгия по «развитому социализму» (и, отчасти, по перестройке) – это, конечно, удел преимущественно поколения, которое знает то время не понаслышке. Отметим, что уровень соответствующих симпатий почти не зависит от образования, но определенным образом коррелирует с социальным статусом и уровнем доходов. А именно: он в два раза повышается на самой низшей (первой) ступеньке социальной лестницы и в 2–3 раза падает на двух самых верхних ее ступенях. Впрочем, в промежутке между этими крайними точками распределение респондентов данного типа достаточно ровное и близкое к среднему по выборке значению данного индикатора (14%).

Ну, а что можно сказать о тех, у кого «русская мечта» ассоциируется не столько с какими-то реалиями прошлого и настоящего, сколько с не реализовавшимися историческими альтернативами? Таковую позицию, по данным проведенного исследования, занимает ни много ни мало, а почти треть опрошенных. Идеологический и социальный профиль этого сегмента населения выглядит довольно неопределенно. Наиболее ясно просматривается лишь то, что здесь несколько больше, чем в среднем по выборке, представлены жители крупных городов (но не мегаполисов!) и те, кто отнес себя ко второй и третьей ступеням социальной лестницы. Напротив, на высших ее ступенях число респондентов, считающих, что «русская мечта так до сих пор и не была реализована», заметно снижается (например, на высшей, десятой ступени, их доля падает до 21%, тогда как в целом по выборке она равняется более чем 32%).

Разумеется, история, рассматриваемая «по периодам», – еще не вся история, также она может быть представлена и «в лицах». Если, принимая во внимание общие обстоятельства жизни, россияне склонны сближать мечту и знакомые им жизненные реалии, то когда речь заходит о персонализации «русской мечты», они, наоборот, чаще всего вспоминают о деятелях более отдаленного прошлого. Самым любимым их историческим героем остается Петр I: более трети опрошенных считают, что он полнее и последовательнее всех остальных деятелей воплотил в себе «русскую мечту». В этом отношении он с большим отрывом опережает всех

остальных деятелей российской истории. Так, следующая по популярности фигура – Екатерина II, но и она вызывает восхищение россиян в 2,5 раза реже, чем ее великий предшественник. Советские же лидеры не идут ни в какое сравнение, особенно номенклатурные выдвиженцы, какими были Хрущев, Брежнев, Горбачев, а, в конечном итоге, также и Ельцин. Они не снискали себе в народе ни большой любви, ни большого уважения. Каждый из перечисленных политических лидеров 50–90-х годов XX в. является кумиром лишь для 2% своих сограждан (Брежнев – для 4%).

На этом фоне результаты современных российских политиков смотрятся не так уж плохо – свыше 14%. Однако 9% из них следует отнести на счет всего одного человека – Путина. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что «эпоху Путина» связывают с «русской мечтой» в 3,5 раза чаще, чем с личностью самого Путина. Между прочим, точно такое же количественное соотношение существует между «эпохой Брежнева» и личностью самого Генерального секретаря ЦК КПСС.

В целом симпатии и антипатии к различным историческим фигурам и по статусным группам, и по возрастным когортам, и по типам поселений распределены довольно ровно, что говорит о достаточной гомогенности исторического сознания россиян. Как это ни странно, не слишком сильно варьируются соответствующие показатели и в зависимости от политических взглядов. Единственное исключение – Ленин: голосовавшие на президентских выборах за лидера коммунистов Г. Зюганова называли его символом «русской мечты» почти в 2,5 раза чаще, чем в среднем по выборке. Однако и среди коммунистического электората Петр I значительно популярнее вождя пролетарской революции (36% опрошенных против 24%).

Полагаем, над этим было бы интересно задуматься. Вспомним: в эпоху Петра тоже созрела некая национальная мечта, выражением которой и стали инициированные им преобразования. В те времена она проявляла себя как стремление сравняться «честью» и «славой» с ведущими державами Европы. Сегодня такая терминология кажется архаичной, но если отвлечься от особенностей политического дискурса XVIII в., не созвучна ли в чем-то эта мечта чаяниям многих граждан современной России? Безусловно, россияне хотели бы иметь достойный уровень жизни – «не хуже», чем в Европе, США, Японии. Но не вообще и не любой ценой. Имеющиеся в нашем распоряжении данные многолетнего социологического мониторинга показывают, что для россиян психологически и этически приемлема только такая социально-экономическая модель, в которой роль локомотива развития отводится науке и высоким технологиям.

Долгое время образцом, сочетающим в себе научно-технический прогресс с высоким уровнем благосостояния и признанием индивидуальных прав личности, для россиян выступал Запад. Прозападная идентичность в «американском» ее варианте стала еще и некой коллективной мечтой об индивидуальном материальном успехе; в конечном счете она сводится к тому, что любой энергичный и «ответственный» индивид может преуспеть, если будет много работать и проявлять изобретательность, рассчитывая при этом исключительно на самого себя. Все это, однако, не слишком согласуется с настроениями россиян, связывающих свои надежды на лучшую жизнь прежде всего с «соборным» государственным целеполаганием, ориентированным не на интересы отдельных социальных групп и слоев, и даже не на их согласование, а на общенародные задачи и цели. В подтверждение сошлемся на распределение мнений наших респондентов по вопросу о том, какие лозунги, принципы и политические формулы в наибольшей степени выражают их личную мечту о будущем России. Чаще всего на него отвечали так: «Социальная справедливость, равные права для всех и сильное государство, заботящееся о всех своих гражданах» (почти 45% полученных в ходе опроса ответов). Около 60% опрошенных согласилось с тем, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельных людей, а 71% признали необходимым усиление роли государства во всех сферах жизни, и в том числе национализацию крупнейших предприятий и стратегически важных отраслей.

Но, может быть, затаенным чаяниям россиян отвечает другая мечта, воплотившаяся ныне в проекте Единой Европы? В отличие от американской мечты, она носит солидаристский характер и основана на специфической модели позитивного взаимодействия человека с другими людьми и природой (ср.: Rifkin 2004). Несомненно, для большинства россиян это привлекательнее «американской мечты». Но и европейские идеалы вряд ли полностью совпадают с устремлениями российского менталитета. Прежде всего отметим, что в России довольно низок потенциал субсидиарности, которая играет важную роль в реализации европейского исторического проекта. Так, по данным проведенного исследования, только 9% респондентов ощущают чувство общности с людьми, живущими в том же населенном пункте, в той же местности (впрочем, чувство гражданской солидарности, а также сплоченность на почве общих взглядов у них еще слабее).

Еще одно различие – это твердая приверженность россиян идее «органической» общности в рамках национального государства. Как показывают данные ранее проводившихся исследований, наши сограждане не слишком стремятся с кем-либо объединяться, и в любом случае отдают

в этом вопросе предпочтение близким им по культуре странам СНГ – Белоруссии, Украине и Казахстану (см.: Падение Берлинской стены 2010, 53). Не случайно россияне с самого начала не были расположены к доминировавшей в Европе идеологии мультикультурализма и задолго до того, как ее недостаточная эффективность была признана рядом ведущих европейских лидеров, воспринимали ее как утопическую и благодушно наивную, мало согласующуюся с жесткими реалиями полиэтнического евразийского пространства.

Своеобразие российской мечты и наиболее характерных устремлений россиян во многом связано и с тем, что последние – гораздо большие индивидуалисты, чем европейцы. В этом они в известном смысле сближаются с американцами, хотя российский индивидуализм имеет несколько иную психологическую природу и иной оттенок. Ключевой вопрос: хотят ли наши респонденты быть полезными для общества или они предпочитают просто жить, как им хочется? При ответе мнения разделились почти поровну: 52% против 47%. В то же время почти три четверти опрошенных признались, что для них важнее всего собственное благополучие, и только четверть согласны поставить на первое место какую-то объединяющую всех значительную цель. Социальный мир современного россиянина – это замкнутый на себя «малый мир» его семьи и друзей, в несколько меньшей степени – коллег по работе. А вот «классовая солидарность» (с людьми того же достатка), которая важна для сплочения людей на защиту своих коллективных интересов, ощущение близости с единомышленниками, с людьми, разделяющими тот же тип культуры, весьма незначительна.

При этом «русская мечта» принципиально расходится с установками западной культуры в понимании свободы. Свобода – одна из главных российских ценностей. Но как показывают результаты неоднократно проводившихся опросов, быть свободным для человека русской культуры – совсем не то же, что для американца, немца или француза. В русском понимании речь идет о возможности «быть самому себе хозяином», о пресловутой русской «воле». При этом около 54% граждан страны в возрасте до 55 лет считает, что индивидуализм и либерализм западного типа России не подходят, для нее важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство.

Конфликтогенность складывающейся сегодня в России ситуации надо рассматривать в плоскости наложения в едином пространстве социальных структур, принадлежащих как бы к различным социумам. К концу существования советской системы в СССР сформировался особый тип социальности – «общество образования» с весьма специфической системой ценностей, жизненных ориентаций, и, в конечном счете, с определенной

национальной мечтой (Андреев 2013) . Между тем, после 1991 г. объективно производился демонтаж социального (и социокультурного) пространства «общества образования», форсированное замещение его структур структурами иного типа. Мечты, порождаемые романтикой интеллектуального самоутверждения и соответствующими амбициями, вытеснялись мечтами самоутверждения потребительского (загородный коттедж, зарубежная недвижимость, дорогая иномарка и т.п.). Этот процесс, однако, проходил не без сопротивления. Во второй половине 1990-х годов он вызвал кризис во взаимоотношениях власти и общества, который в 2000 г. разрешился сменой власти, принятием новых социальных моделей и частичной реставрацией старых ценностных матриц. Но это «обратное движение маятника» все-таки не дошло до конца. В итоге получился некий довольно неопределенный результат, к которому вполне можно отнести известную поговорку «ни вашим, ни нашим». Не «социальный кентавр», как иногда полагают, а просто встреча с трудом совмещающихся друг с другом социальных реальностей «общества образования» и финансово-бюрократического капитализма.

Литература

- Андреев, А. Л. (2013), Возможности инновационной модернизации России глазами разных поколений научно-технической интеллигенции, [в:] Социологические исследования, 4, 35–41.
- Падение Берлинской стены (2010), Падение Берлинской стены: до и после. Москва.
- Шестопад, Е. Б. (2013), Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия, [в:] Полис. 3, 47–57.
- Rifkin, J. (2004), *The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream*. New York.